

РАСТОРГУЕВ Сергей Викторович — доктор политических наук; профессор департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-т, 49; SRastorguev@fa.ru); ORCID: 0000-0003-1185-9374)

ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье представлен анализ ценностей и ориентаций современной российской молодежи в контексте классических политических теорий. Установлено, что большинство молодых россиян можно охарактеризовать как представителей неопарохиальной политической культуры. Представители подданнической политической культуры доминируют над представителями гражданской культуры. Социальные медиа стирают четкие границы между различными типами культуры, создаются гибридные формы политической культуры. Наибольшим доверием молодежи пользуются институты президентства, волонтерства, армии, а институты гражданского общества не вызывают значительного доверия. Предпочтение демократии сочетается с предпочтением сильного национального лидера. Большая часть представителей поколения Z не идентифицирует себя с западной культурой. Подтверждается концепция С. Хантингтона о разорванном характере российской цивилизации. Можно констатировать доминирование материалистических ценностей над постматериалистическими. Социально-экономические условия и доминирующие культурные установки России не способствуют поколенческому сдвигу в сторону постматериалистических ценностей. Молодые россияне испытывают влияние «мягкой силы» зарубежных стран, но это не меняет отношение абсолютного большинства молодежи к данным странам как к чужим.
Ключевые слова: политические ценности, молодежь, политическая культура, «мягкая сила», цивилизация, культурная идентичность

Опросы общественного мнения призваны выявить ценностные ориентации современной российской молодежи, которые выступают в качестве одного из внутренних прогностических параметров в принятии решений, поведении (второй блок внешних прогностических параметров формируется из ситуативного контекста) [Евгеньева, Селезнева, Антонов 2021]. В данной статье автор анализирует результаты проекта «Российское “поколение Z”»: установки и ценности 2020» в рамках классических концепций Г. Алмонда, С. Вербы, Дж. Ная, С. Хантингтона, Р. Инглхарта.

Одной из подсистем политической системы является культурно-идеологическая подсистема, включающая политическую культуру. В классической работе Г. Алмонда, С. Вербы политическая культура понимается как совокупность установок по отношению к политической системе, аттитюды на выполнение определенной социальной роли в политическом пространстве. Составными элементами политической культуры являются знания о политике, эмоции, оценки, модели поведения, охватывающие политические процессы на «входе» и на «выходе» [Алмонд, Верба 2014: 29]. Авторы выделяют три «идеальных типа» политической культуры, которые различаются различными значениями составных элементов. Парохиальная политическая культура характеризует примитивные общества, где политика не отделилась от других сфер общественной жизни. Подданническая политическая культура ориентирована на «выход» (решения и действия), основные компетенции формируются в сфере исполнения властных директив. Политическая культура участия ориентирована на компетенции «входа», активное влияние на донесение требований

и поддержки посредством демократических институтов до государственных органов. В действительности существуют различные комбинации трех идеальных типов, а внутри любой национальной политической культуры можно выделить представителей трех указанных типов.

Результаты опросов ФОМа [Попов 2019: 140] и проекта «Российское “поколение Z”: установки и ценности» свидетельствуют, что приблизительно 60% российской молодежи не демонстрируют какой-либо значимый интерес к политическим вопросам, концентрируясь на частной жизни. Аполитичное большинство можно охарактеризовать как представителей неопарохиальной политической культуры. Оставшиеся 40% составляют представители подданнической культуры и культуры участия, причем первая явно преобладает над второй, поскольку менее 10% молодежи выразили готовность к неконвенциональным формам офлайн-активности, что можно рассматривать как атрибут культуры участия (гражданская культура).

Г. Алмонд, С. Верба указывали на возможность определения конгруэнтности политической культуры и политической системы. Парохиальная культура соответствует традиционному обществу, подданническая – авторитарному режиму, культура участия – демократии. В частности, преобладание позитивных или негативных эмоций и оценок свидетельствует либо о гармонии (лояльности), либо о дисгармонии (нелояльности). В настоящее время можно классифицировать страны в континууме «ценности подданнической культуры – ценности культуры участия», измеряя выраженность отдельных параметров.

Результаты проекта демонстрируют, что российская молодежь предпочитает демократическую модель социально-политической системы (47% респондентов), при этом почти 2/3 респондентов (65%) указали на необходимость в России сильного лидера, который мог бы управлять в интересах простых людей. Среди институтов с наибольшим уровнем доверия упоминаются президент, волонтерские организации, армия, а вот политические партии, СМИ, организации гражданского общества вызывают у российской молодежи в большей степени недоверие [Гудков и др. 2020: 55-68].

На важность культурной идентичности, совпадающей с цивилизационной идентичностью, в современной политике указал С. Хантингтон. Цивилизация представляется вершиной культуры, состоящей из языка, религии, исторических событий, социальных институтов. Особое значение в определении и выборе идентичности С. Хантингтон отводил религии. В концепции С. Хантингтона существуют расколотые страны (Индия, Малайзия, Украина), в которых соседствуют элементы разных цивилизаций, и разорванные страны (Россия, Турция, Мексика), в которых элиты и массы тяготеют к разным культурам [Хантингтон 2017: 223-250]. Такой культурный дуализм приводит к политическим и экономическим конфликтам. Доминирующая культура западной цивилизации представляется как универсальная, из-за чего модернизация долгое время воспринималась как вестернизация. Формирование полицентрического мира в форме соперничества цивилизаций приводит к отказу от восприятия западных ценностей в качестве универсальных. Сама западная цивилизация в результате миграции из стран третьего мира испытывает давление незападных культур, особенно ислама. Культурные факторы мультиплицируются демографическими и поколенческими сдвигами в рамках национальных государств и цивилизаций [Титов 2021].

Еще в начале 2020 г. практически 2/3 молодых респондентов отмечали конфронтацию России и Европы, на неевропейскую идентичность России указали 58% респондентов, а на незападную культурную идентичность – 76%.

При этом страны Европейского союза получили наибольшие сравнительные оценки по параметрам демократии, прав человека, верховенства права, свободы, безопасности, уровня жизни, занятости, равенства [Гудков и др. 2020: 69-76]. Это является подтверждением тезиса С. Хантингтона о разорванном характере российской цивилизации: транслируемые политическими, экономическими, культурными элитами представления об идеальном Западе диссоциируют с самоощущением и самоидентификацией широких слоев населения [Сперкач 2021].

Р. Инглхарт исследовал эволюцию культурных ценностей стран мира после Второй мировой войны. Под влиянием роста уровня жизни, перехода к постиндустриальному обществу обнаруживается межпоколенческий сдвиг от материалистических ценностей, нацеленных на экономические блага, к постматериалистическим ценностям, нацеленным на удовлетворение верхних уровней потребностей пирамиды А. Маслоу – свободы самовыражения. В частности, поколения, социализировавшиеся в эпоху мира и процветания, ориентированы на ценности гендерного разнообразия, экологии, свободы выбора, терпимости к инаковости. Экономические и политические шоки способны вернуть общество к традиционным ценностям материального благополучия и физической безопасности, но при преодолении кризисов молодые поколения возвращаются к постматериалистическим ценностям. Материалистические ценности тесно коррелируют с поддержкой традиционных религий, а постматериалистические ценности могут быть как секулярными, так и связанными с новыми формами духовных практик [Инглхарт 2018: 31-93].

Р. Инглхарт указывает на существование «эффекта колеи»: культурные традиции незападных цивилизаций замедляют распространение постматериалистических ценностей (которые в духе западоцентризма считаются универсальными). Замещение одного вида ценностей другим происходит со скоростью замещения поколений. Ценности изменяются не в результате взросления поколения, а, сформировавшись в период социализации, сохраняются в течение жизни поколения. Носители постматериалистических ценностей свободного выбора образуют партнерские семьи с небольшим числом детей, терпимы к разводам и разнообразным формам сексуального поведения.

Р. Инглхарт связывал высокий уровень экономического развития с предпочтением постматериалистических ценностей и развитием демократии. Сама по себе демократия не обуславливает социально-экономическое развитие. Автор рассматривает демократические институты как предложение демократии, а ценности самовыражения – как спрос на демократию. Поэтому в экономически среднеразвитых авторитарных режимах отсутствует массовый спрос на демократию, доминируют материалистические ценности (доход, безопасность). В экономически развитых странах (за исключением монархий Персидского залива) имеется широкий спрос на демократию, в них доминируют постматериалистические ценности (автономия, свобода выбора). Соотношение спроса и предложения демократии может быть представлено в количественных данных, культурный спрос на демократические институты является основной переменной, определяющей динамику демократизации. Таким образом, причинно-следственная цепочка выглядит следующим образом: экономический рост – высокий уровень экономического развития – постматериалистические ценности – демократия. Наряду с уровнем экономического развития важны институциональные и культурные факторы («эффект колеи») [Демократизация 2015: 233-261].

Партии и политики не столько позиционируют себя как приверженцев тра-

диционных идеологических доктрин, сколько предлагают выбрать определенный круг вопросов для формирования повестки дня. Само формирование повестки дня, способы решения проблем обнаруживают скрытый идеологический подтекст. Идеология-ориентир включает в политику любые вопросы, которые раньше стояли вне политики, — из экономики, политики, социальной жизни, культуры. В повестку дня вносятся экология, глобализация, мультикультурализм, феминизм, гендерное равенство и разнообразие, права меньшинств, миграция, базовый доход, свобода Интернета. Политические партии разрабатывают и формируют предложение идеологий-программ с учетом выявленного спроса идеологий-ориентиров. В результате идеологии-программы становятся популистскими (они разрабатываются под тактические цели выборов), а не долгосрочными стратегиями, предлагают простые решения сложных проблем, агрегируют массовые запросы без выделения социальных групп.

Предложение демократических институтов связано с готовностью элиты поделиться властью. Для этого она оценивает издержки репрессий и уступок. Если издержки уступок меньше, чем издержки репрессий, то элита идет на демократизацию. В противном случае элита выберет репрессии. Р. Инглхарт отмечает, что спрос на демократию осуществляют прежде всего обладатели материальных и когнитивных ресурсов, а не малоимущие граждане. В развитых странах проблема имущественного неравенства и иммиграции вызывает подъем правого популизма, прежде всего среди сторонников материалистических ценностей. Сторонники постматериалистических ценностей поддерживают либералов и центристов («зеленые»). Электоральное поведение во многом стало определяться культурным (ценностным) предпочтением, а не экономическими факторами.

Шкала социальной дистанции Э. Богардуса [Bogardus 1933] в отношении российской молодежи показывает, что соседская нетерпимость относится к таким группам, как наркозависимые, бывшие заключенные, цыгане, гомосексуалисты, беженцы. При этом среди молодежи не зафиксировано доминирование негативных эмоций по отношению к семьям с Кавказа, из Средней Азии, к евреям [Гудков и др. 2020: 121-143]. Стоящие в западной повестке дня однополые браки и аборт получили явное неодобрение как недопустимые отклонения от нормы. Российская молодежь ориентирована в большей степени на материалистические ценности: гарантированные социальные блага (образование, медицина, жилище), возможность делать карьеру (мобильные социальные лифты), получение поддержки от государства, нежели на постматериалистические. Из последних предпочитают индивидуальные, а не коллективные, например, наименьший процент предпочтений получил гражданский активизм. Можно предположить, что предпочтение материалистических ценностей обусловлено средним уровнем экономического развития страны, когда ряд базовых потребностей удовлетворяется недостаточно качественно.

Дж. Най сделал популярным концепт «мягкой силы», который обозначает совокупность мирных средств для достижения политических целей. Тремя главными ресурсами «мягкой силы» Дж. Най назвал культуру, политические ценности и курс внешней политики. Страны-лидеры стремятся популяризировать за границей свои культурные образцы, ценности, институты для распространения своего влияния. Концепция «мягкой силы» может использоваться для объяснения современных гибридных войн, апеллирующих к концептам идентичности, исторической памяти, ценностного ядра. Широкое распространение информационно-коммуникационных технологий повышает вли-

яние «мягкой силы» во внешней политике. Внешняя политика опирается на принципы легальности и легитимности с целью добровольной мобилизации стран-союзников. В целом концепция «мягкой силы», разрабатывавшаяся как обоснование привлекательности западных образцов культуры, политических ценностей и институтов, нашла сторонников в незападных цивилизациях — китайской, российской, исламской [Най 2006].

Примерно 18% молодых россиян под влиянием «мягкой силы» иностранных культур выразили желание уехать из России на срок более 6 месяцев, при этом в качестве основных мотивов доминирует не желание приобрести зарубежное образование и узнать больше о традициях других стран, а материальные мотивы — высокая зарплата и более высокий уровень жизни. Среди активных носителей эмигрантских настроений (7% респондентов) наблюдается прямая корреляция с недовольством российскими институтами, проживанием в мегаполисах [Гудков и др. 2020: 95–106]. Таким образом, можно заключить, что, хотя культурные образцы других цивилизаций (прежде всего западной) оказывают влияние на молодых россиян, абсолютное большинство молодежи воспринимает западные страны как чужие и иные.

Из сказанного выше можно сделать следующие выводы.

1. Классические концепции политологов не теряют актуальность в качестве методологических рамок для современных эмпирических исследований.

2. Аполитичное большинство молодых россиян можно охарактеризовать как представителей неопарохиальной политической культуры. Среди интересующихся политикой основная масса может быть классифицирована как носители подданнической культуры. Однако цифровые формы коммуникации изменяют и размывают жесткие характеристики подданнической и гражданской культур. Создается континуум, в котором пересекаются черты всех трех идеальных типов политической культуры.

3. Среди молодежи наибольшим доверием пользуются институты президентства, волонтерства, армии, а институты гражданского общества не вызывают значительного доверия.

4. Подтверждается тезис С. Хантингтона о разорванном характере российской цивилизации. Молодежь не идентифицирует себя с западной культурой, а часть элиты рассматривает коллективный Запад как образец модернизации.

5. У российской молодежи доминируют материалистические ценности, хотя ценности самовыражения более значимы, чем у представителей старших поколений.

6. Молодые россияне испытывают влияние «мягкой силы» зарубежных стран, но это не меняет отношение абсолютного большинства молодежи к данным странам как к чужим.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Фининиверситету.

Список литературы

Алмонд Г., Верба С. 2014. *Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах* (пер. с англ. Е. Генделя). М.: Мысль. 499 с.

Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Пипия К., Рысина А. 2020. *Российское поколение Z: установки и ценности 2019–2020*. Фонд им. Фридриха Эберта. 148 с. Доступ: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16135.pdf> (проверено 03.07.2022).

Демократизация (под ред. К.В. Харпфера, П. Бернхагена, Р.Ф. Инглхарта, К. Вельцеля; пер. с англ. М.Г. Миронюка). 2015. М.: ИД ВШЭ. 708 с.

Евгеньева Т.В., Селезнева А.В., Антонов Д.Е. 2021. Политическая культура российской студенческой молодежи: ценностные, образно-символические и поведенческие аспекты. — *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. № 11(2). С. 63-71.

Инглхарт Р. 2018. *Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир* (пер. с англ. С.Л. Лопатиной). М.: Мысль. 347 с.

Най Дж.С. 2006. *Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике* (пер. с англ. В.И. Супруна). Новосибирск; М.: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды». 221 с.

Попов Н.П. 2019. Сравнительный анализ социально-политических взглядов российской и американской молодежи. — *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 1. С. 126-152.

Сперкач А.И. 2021. Цивилизационные основания межэлитного взаимодействия в современной России. — *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. № 11(3). С. 47-54.

Титов В.В. 2021. Ценностные ориентации и социальное самочувствие молодежи как фактор трансформации национально-государственной идентичности в России. — *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. № 11(3). С. 27-32.

Хантингтон С. 2017. *Столкновение цивилизаций* (пер. с англ. Т. Велимеева). М.: АСТ. 571 с.

Bogardus E.S. 1933. A Social Distance Scale. — *Sociology and Social Research*. No. 17. P. 265-271.

RASTORGUEV Sergey Viktorovich, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, GSP-3, Moscow, Russia, 125993; SRastorguev@fa.ru); ORCID: 0000-0003-1185-9374

THE VALUES OF RUSSIAN YOUTH AS AN ELEMENT OF THE POLITICAL CULTURE OF SOCIETY

Abstract. The article presents an analysis of the values and orientations of modern Russian youth in the context of classical political theories. It established that the majority of young Russians could be characterized as representatives of a non-parochial political culture. Representatives of the subject political culture dominate over representatives of civil culture. Social media erases clear boundaries between different types of culture; creates hybrid forms of political culture. The institutions of the presidency, volunteerism, and the army enjoy the greatest trust among young people, while the institutions of civil society do not arouse significant trust. The preference for democracy is combined with the preference for a strong national leader. Most of the representatives of generation Z do not identify themselves with western culture. S. Huntington's concept of the broken character of Russian civilization is confirmed. It is possible to state the dominance of materialistic values over post-materialistic ones. Socio-economic conditions and dominant cultural attitudes of Russia do not contribute to a generational shift towards post-materialistic values. Young Russians are influenced by the soft power of foreign countries, but this does not change the attitude of the absolute majority of young people to these countries as to strangers.

Keywords: political values, youth, political culture, soft power, civilization, cultural identity

---